

Дмитро ЧИСТЯК

Пишет на украинском, французском и русском. Поэтический сборник «Надсадный сад» издан в Албании, Болгарии, Македонии и Франции. Автор многих переводов с европейской языков. Кандидат филологических наук, преподаватель Киевского университета им. Тараса Шевченко. Перевёл на французский язык антологию украинской поэзии «Солнечные кларнеты». Лауреат международных конкурсов франкоязычных новеллистов, а также всеукраинских премий «Благовест», им. М. Рильского, международных премий им. Олеса Гончара, им. Н.Гоголя, им. Матери Терезы и других.

* * *
Рассвет — и трепет молодых магнолий
во сне, из них ты восстаёшь
на раннем ложе,
где рассыпались мы во прах, но вот
уже потоком хлынули цветы (боль
белая, в ночное сердце всем
так молодо упасть!), не восстаёшь —
перетекаешь ты цветом —
кларнетом, и вот воспрянет
высоко-высоко
во славе нота — будто смерть, а птицы
окликнут не отсель, и мнятся, мнятся,
что одного движения довольно —
ты распахнёшь окно, и задрожит
простор всей раны ранней —
сотворит...
Рассвет!

Возвращение
Упала капля — словно луч в ночи —
Над городами, мёртвыми от серы,
Холодный блеск —
от соли и от черни...
В очах твоих читаю: возвращенье.
Когда в падении мелькнут сады,
Когда жасмин запахнет миротворно,
Когда слепцы
за нами тризну справят,
А мы соцветьем рук
отвергнем камень
И растворимся в летних вечерах —
В очах твоих читаю: возвращенье.
Твой тихий плач —
произрастанье света...

Эпилог
Когда же все дороги отойдут,
Восстанет снег, и белый свет восстанет,
И на днепровских,
на свинцовых глядах
Дозреет високосная гроза,
Прильни ко мне ты красотой вечерней,
Как море льнёт к усталому челну.
Всей синей полнотой,
Всей пенной пеной
Восстанет мир, потоком обратив
Холодный сад и мёртвый край,
и небо —
Уже светает белому ковчегу! —
Во взгляде милом — ранняя голубка,
Во сне — обетованная земля.
Авторский перевод с украинского.

Станислав ПЕНЕВ

По специальности филолог и философ, автор многих книг, активно работает над переводами со славянских языков. Шесть поэтических сборников Пенева переведены Всеволодом Кузнецовым на русский язык. Член Союза болгарских писателей, Славянской литературной и художественной академии, Академии русской литературы.

Главный редактор газеты «Литература и общество», член клуба «Московский Парнас», лауреат многих болгарских и международных премий.

Калиакра
Вода и камень. Камень и вода.
Мы высоко. Но не пуглив народ...
Здесь перед взором — неба синева,
под нами — пропасть и водоворот...
Взмывают птицы, покидая кров —
среди кололечек чайки гнёзда выют...
Из племени они морских орлов
и над волной с достоинством плывут...
Нас в судьбоносный путь несут мечты,
в солёные просторы ясных дней...
Спускается к нам утро с высоты.
А боль? — Никто не думает о ней...
В глазах блестит надежды светлый луч
и веры, —
всё здесь держится на ней...

И гордость ощущаешь среди круч
за мужество природы и людей!
На окраине Варны
Идёт весна... Деревья плачут,
что осень приведёт их к краху...
Стволы и ветви долбит дятел...
без устали и чувства страха.
Но мир пред ними распахнётся,
звезда, покроется листвою,
всё на круги своя вернётся,
и путь окупится с лихвой...
А села, будто гнёзда свилю, —
так тихо по холмам стоят.
И вряг: в этом грозном мире
их непременно защитят.

Корабль
Неизменно и вечно распят —
между прошлым своим и грядущим.
Вот я встал и споткнулся опять —
от ударов, из бездны идущих.
Расстояния ищут, они —
вещный знак моих дней — судьбоносный...
Кто разделит со мной эти дни? —
Никому не задам я вопросов...
Кто же выйдет на волны со мной?
Кто разделит и радость, и горе?
И не будет ли это зимой,
когда льдом всё покроется море?..
Перевёл с болгарского Всеволод Кузнецов

Сашо СЕРАФИМОВ

Известный болгарский поэт, действительный член Славянской литературной и художественной академии, главный редактор литературного журнала «Антимовский Хан», автор многих книг. Занимается переводами поэзии со славянских языков.

Тринадцать поцелуев
Я дошёл только до седьмого
той ночью
и в пространстве всё ещё носится эхо
их жизни короткой.
Первый из них был случайным, таким,
как и сама наша встреча.
Второй был хищным,
как крик, долетевший до берега
с жаждой спасения.
Третий, четвёртый и пятый —
были блаженны, словно счастье
до забытья.
Шестой осторожным был —
Уж не сон ли всё это?
Седьмой ты сама пожелала,
но уже рассветало,
и он потерял очертанья.
Остальные...
я отправлю тебе их по глади речной.
Когда выйдешь на берег,
тебя повстречает утро, полное солнца,
и порханье песен на ветках деревьев.
Вспомнив ночь, ты слегка улыбнёшься,
в воду опустив руку свою.

И в тот миг приплывут к тебе
и почувствуешь ты себя
очень счастливой,
как я...
Но я никогда не скажу тебе,
кто их отправил,
а ты никогда не узнаешь,
что их получила.
Весь мир не узнает о них.
Потому как подобны они
письму от Господа Бога —
невидимые и беззвучные,
приплывшие по реке.
Мы сами для себя — война...
Он хороший человек,
заботливый отец.
Но одна женщина тихо проходит
мимо него,
бросая искрящие взгляды.
Знает ли она, что станет
причиной пожара,
и в огне том погибнет нечто,
живущее в его душе?

Господи, зачем ты даёшь столько раз
любовь,
когда и одной для человека много?!
А если эта рука, протянутая,
чтобы подарить ласку,
погубит его?
Почему он хмурый,
почему не может спать
рядом с обжигающим телом
своей жены?
Сколько ночей будешь ты мучить его?!
Как кротко пасётся солнце,
воздух так нежно перемещается,
сад восхитительно зелен
и все улыбаются...
А он тащит ночи свои,
как тяжкий багаж,
в душе его вихрится метель,
и, ослепший, он ничего не видит...
В том ли спасенье твоё, Господи,
что мы сами для себя — война,
сами для себя — буря
и страх...
Перевела с болгарского Галина Берови

Николай ФИЛИН

Вице-президент Академии поэзии, директор Липецкого регионального отделения Литературного фонда России, первый секретарь Липецкой организации Союза российских писателей. Кавалер Золотой медали им. Льва Толстого, Золотой Есенинской медали. Лауреат премии Русской академии наук и искусств, московской региональной премии им. Г.Р. Державина, литературно-общественной премии «Светить всегда».

* * *
Свирепствует ветер в неволе
Промозглого мрачного дня.
В заброшенном выцветшем поле —
Набрякшая влагой стерня.
Витийствует в храме «мессия»,
Отшельник в скиту изнемог.
Всё та же святая Россия...
Всё тот же таинственный Бог...
* * *
Я умру без тебя,
Без тебя даже радость — не радость,
Без тебя шар земной —
Просто маленький, кругленький мяч.
Ты — открытие моё,
Ты — моя первозданная сладость,
Ты — сознанье моё,
Ты — события, летящие вскачь.
Облик твой неземной
Озаряется светлой улыбкой,
Противаясь в созвездных
Фейерверком волшебным дождя.
Ты становишься сказкой —
Чудесной и призрачно-зыбкой —

В свидениях моих
В Зазеркалье меня уводя...
* * *
Пуста без тебя Вселенная,
И мне без тебя — предел!
Ты — радость моя мгновенная
В сплетении странном тел.
* * *
Мне жить на Земле не хочется,
Когда тебя нет со мной.
И стынут в ночи пророчества
Без шёпота тихого: «Мой...»
Путь души
Я уйду отсюда ранним утром
В призрачную, искреннюю даль,
В синь небес с оттенком перламутра,
В снежный, заколдованный февраль.
Удалось, безбашенно-изящно.
Снова мне немного повезёт:
Маркером окажется закрасен
Каждый мой сознательный просчёт.
Разомкнушь по граням и по весам
На излёте трепетного дня.

Где-то душу полноценно взвесит
И подвесит — капелькой огня.
Народится, первозданно светел,
Новый, в тленной оболочке мир.
Всколыхнёт пространство чуткий ветер,
И от крика зазвонит эфир.
* * *
Молю тебя: не надо быть жестокой,
Коварная прелестница моя.
Стань безмятежной, нежной, светлоокой,
Как снежная поэмка января.
Нам порознь не прожить мгновенья боле
И ты пойми, ревясь и хохоча:
Есть прелесть беспашающая на воле,
Но ведь любовь — улыбка палача.
Она пленит, закурит, одурманит,
Переберёт тебя по мелочам.
И вдруг внезапно вечною предстанет,
Что не даёт покоя по ночам.
И не нужна бескрылая свобода,
Когда любимой рядом долго нет.
Бунтует первобытная природа —
И тишина — в ответ...

Сергей КОРОТКОВ

Начинал литературную биографию в столице, но затем уехал в провинцию. После возвращения в 2003 году в Москву учился на Высших литературных курсах в семинарах Ю. Кузнецова и В. Сорокина. Работал в аппарате Международного сообщества писательских союзов, возглавляемом С. Михалковым. В это же время вышла его первая книга поэзии «Акафист грозь». Лауреат Международного конкурса поэзии МАПП. В настоящее время — вице-президент Ассоциации литературных объединений ЮАО г. Москвы, член Академии русской словесности. Возглавляет литстудию «Свежий взгляд».

* * *
Хорошо, когда знобит, —
Это времени ознобы.
Хорошо, когда прибит
На кресте своей утробы.
Вызольется душа
По голгофскому закону.
Хорошо, что ни гроша,
А на сердце много звону.
Хорошо, когда строка
Ослепляет вспышкой света.
Хорошо, что дуракам
Не дают пока ответа.
Хорошо, что ветер вхож
В охраняемые сени.
Хорошо, что будет дождь
Из рыдающих прозрений.
Хорошо, что есть Христос,
Даровавший нам свободу.
Хорошо, что есть вопрос
К листопадному народу.
Хорошо, что он падёт
В гущу чана мирового.
Хорошо, что век грядёт
Огнедышащего слова.

Под луною раскалённой
Сны мои парят.
А проснусь — увижу солнце.
Мать моя в лучах.
И приотное оконце
В свежих куличах.
Пахнут второгом качели,
Кольбель, как пух.
Утоли мои печали,
Укрепи мой дух.
* * *
Молчи! Ни слова о России!
Уже заносены до дыр
Её одежды восковые,
Её пурпуровый подир.
Туман ли, снег чело сокрыли.
И за спиною, как петля,
Её обугленные крылья,
Её холодная земля.
* * *
Нет есть в сердцах предмет священный,
Хранимый Богом про запас
От злобы черни современной,
От страсти, что бушует в нас.

Солнце красное спелой смородиной
Чуть качается на ветру.
Озари изумрудной лампадою
Бесконечные эти углы.
Чтоб воскресли с весеннею радугой
Обмороженные стволы.
Там струятся дымки самосадные,
Там похмелье не сходит с двора,
Там и тучи, такие громадные,
Что их рвать на знамёна пора!
* * *
В той стороне, где бегал босиком
И где во рву купался, словно в чане,
Я помню: над заснеженным леском
Сияло солнце жаркими очами.
И в доме Чудотворец на стене
По вечерам мерцал
в лампадном свете,
И холодом тянуло из сеней,
Где паучок раскинул свои сети.
В разбитой церкви жили снегири.
Они кормились мёрзлой рябиной.
И это было, что ни говори,
Востину рождественской картиной.
Там в синей дымке плыли города
И трубами высокими дымили,
Полярная невестилась звезда
Во всей своей красе и тайной силе.
В такой стране я жил и счастлив был.
Она меня ничем не обделила.
Но я из смертной чаши пригубил,
И знанье это сердце опалило.

Фейзудин НАГИЕВ

Автор сборников философской, гражданской и любовной лирики «Письмена на ладони», «Морщины на камне», «В поисках Алпана», «Поцелуй на ветру», «Колокол и камень» и др. Активно занимается переводческой деятельностью, перевёл на лезгинский язык стихи Низами, Дехлеви, Хакани, Пушкина, Лермонтова, Есенина, Блока. Награждён премией имени героя национального эпоса «Шарвили», лауреат премии «Золотой орёл» и премии имени Магомеда Гаджиева. Мировым Артийским комитетом и Артийским комитетом России награждён золотой медалью в номинации «Литература».

* * *
Всё может быть.
Настанут времена, —
Забудутся народов имена,
И слух привыкнет
к новым именам,
Забыв все те, что предки
дали нам.
Уйдёт язык, что с детства
нам знаком,
Что впитан
с материнским молоком;
Что было свято —
станет всем чужим;
Ненужным будет то,
чем дорожим, —
И станут люди тем словам
внимать,
Которых нам
не говорила мать...
Благодарю судьбу свою подчас,
Что на Земле тогда
не будет нас.
* * *
Плачут свечи, и воска слеза
Льётся медленно, стынет,
что камень...
О, ответь: не твои ли глаза
В тёмном небе
горят огоньками?
А бумага бела предо мной:
Ни строки,
ни единственной строчки!
Одиночество — тёмной стеной,
Пустота
без спасительной точки.
Свечи плачут. По мне? По тебе?

Таёт свет их в неверности теней,
И со стоном в очажной трубе
Бьётся ветер — непризнанный гений.
Где, в какой неизвестности ты?
Я напрасно шепчу твоё имя...
И печально на мир с высоты
Смотрят звёзды глазами твоими.
* * *
С землёю схож рисунок наших лиц:
Глаза-озёра смотрят из глазниц;
Оврагами морщины рассклели
Нам лоб, как грудь иссохшую земли;
От жизни многотрудной и лихой
Лицо как перепаяно сохой, —
И эта нива, что родить должна,
Принявшая надежды семена...
Лишь осень жизни сможет дать ответ:
Получим урожай мы или нет
И хватит ли для всходов тех тепла,
Что наша кровь по жилам принесла?
А слёзы — влагу нужную дадут
Иль ливнями посева изведут?..
Не потому ль земле подобны мы,
Что станем ею за порогом тьмы?

Был первый весел и со всеми дружен,
Он приходивших радостно встречал;
Другой скорбел,
что тоже людям нужен,
И, разделяя горе их, молчал.
Ну, а когда Творца молить случалось,
То каждый у него просил своё:
Один — чтобы работа не кончалась,
Другой — чтоб вовсе не было её...
Так день за днём тянулись вереницей,
А за годами шли и шли года...
И мастерство невидимой границей
Их судьбы разделило навсегда.
Они искусны оба были в деле,
Тот и другой аулу нужен был.
Весёлый мастер — делал колыбели,
А грустный мастер —
камни для могил.
*Перевёл с лезгинского
Михаил Крылов*

* * *
Утоли мои печали,
Освяти мой путь.
В хате белой, как в начале,
Дай уснуть.
Пусть над степью, над солёной
Звёздочки горят.

* * *
Эти яблоньки деревенские,
Эти хмурые купола,
Эти Мценски и эти Энски.
И Москва бы без вас не жила.
И с буграми моя, и с воронками,
Словно хата чиста на юру.

* * *
Исполнены печали...
А мастер — точно он всему виной —
Взгляд отводил, когда глаза встречали
Тех, чьи родные в мир ушли иной.